

THE WITCHES' OINTMENT

*The Secret History
of Psychedelic Magic*

THOMAS HATSIS

Park Street Press
Rochester, Vermont • Toronto, Canada

ТОМАС ХАТСИС

ВЕДЬМОВСКИЕ МАЗИ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ПСИХОДЕЛИЧЕСКОЙ МАГИИ

*Под общей редакцией
М. В. Вишневого*

Москва • 2022

Оригинальное издание:

Thomas Hatisis. THE WITCHES' OINTMENT. THE SECRET HISTORY OF PSYCHEDELIC MAGIC.
Park Street Press (a division of Inner Traditions International) • Rochester, Vermont, 2018.

Публикуется с разрешения INNER TRADITIONS INTERNATIONAL (США) при содействии Агентства Александра Корженецкого (Россия).

Примечание для читателей:

Информация, представленная в этой книге, предназначена исключительно для образовательных, исторических и культурных целей и никоим образом не должна рассматриваться как пропаганда использования галлюциногенов. Издатели не несут никакой ответственности за физические, психологические, юридические или любые другие последствия, связанные с такими веществами.

Все права защищены. Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена или использована в любой форме или с помощью любых средств, как электронных, так и механических, включая фотокопирование и аудиозапись, а также с использованием любого хранилища информации и системы автоматического поиска, без письменного разрешения издателя.

Под редакцией М. В. Вишневого

ХАТСИС Т.

X25 Введьмовские мази. Тайная история психоделической магии. = Hatisis Th. The Witches' Ointment: The Secret History of Psychedelic Magic. — Москва: БИО-Пресс, 2022. — 304 с.

ISBN 978–5–907522-06-0

В этой уникальной книге исследуется происхождение «ведьмовской мази» и средневековых методик использования галлюциногенных снадобий на протяжении веков.

В Средневековье средства, в состав которых входили галлюциногенные травы, были частью магии ядов. В этом разделе магического ремесла применялись яды, травы и ритуалы — с их помощью очаровывали, исцеляли, пророчествовали, заражали и убивали. В такой форме, как психомагические мази, магия ядов могла вызывать сильные галлюцинации и сюрреалистические сны, которые позволяли непосредственно прикасаться к Божественному.

Рассматривая судебные протоколы и фармакопеи ведьм, алхимиков, народных целителей и еретиков XV века, Томас Хатсис подробно описывает, как сформировался классический стереотип «ведьмы», и рассказывает, откуда взялось понятие «ведьмовская мазь». Он приводит десятки составов и рецептов с психоактивными ингредиентами, найденных в редких рукописях из коллекций университетов всего мира, а также в деталях рассказывает о практических приёмах и магических заклинаниях, которые использовались при их приготовлении. Автор исследует связь между ведьмовскими мазями и чарами, позволявшими менять облик, отправлять дух в путешествие и привораживать людей. Он рассматривает практики некоторых магов эпохи Возрождения, употреблявших сильнодействующие наркотики для общения с духами.

На примере неизвестной истории ведьмовских мазей и употребления галлюциногенов в эпоху Средневековья Хатсис показывает, как под влиянием церкви практикуемое в народе употребление наркотических (особенно энтеогенных) снадобий понемногу превращалось в козни Сатаны...

Для самого широкого круга читателей.

© Томас Хатсис, 2015

© БИО-Пресс (перевод на русский язык, оформление), 2022

© О. Пелипейченко, перевод на русский язык, 2022

Содержание

- 8** ВСТУПЛЕНИЕ
Эдвард Бевер
- 11** БЛАГОДАРНОСТИ
- 13** ПРЕДИСЛОВИЕ
- 18** ВВЕДЕНИЕ
- 24** Глава 1. СЛЁЗЫ ЕЛЕНА
- 44** Глава 2. В ТИШИНЕ ГЛУХОЙ НОЧИ
- 68** Глава 3. ЗЕЛЬЕ ЕРЕТИКОВ
- 101** Глава 4. ИСТОЧНИК КОЛДОВСТВА
- 148** Глава 5. ВЕНЕФИЦИИ
- 163** Глава 6. СОННЫЕ ЧАРЫ
- 193** Глава 7. РОЖДЕНИЕ ВЕДЬМЫ, ПРИСПЕШНИЦЫ
ДЬЯВОЛА
- 224** Глава 8. LAMIARUM UNGUENTUM
- 249** Глава 9. УТРО НА ЛЫСОЙ ГОРЕ
- 266** ПРИМЕЧАНИЯ

*Ты пишешь это не для того парня,
который сидит рядом с тобой в офисе,
ты пишешь это для своей мамы.*

Барт Эрман
(комментарий по поводу сути
научных исследований)

για τη μαμά

Вступление

По окончании официального заседания Конгресса медиевистов-2011 «Познание и магия» начались, как обычно, неофициальные обсуждения. Я как раз беседовал с разными людьми, которых заинтересовали вопросы, поднятые мной в выступлении, когда один из участников конференции подошёл ко мне и представился как Томас Хатсис. Он взволнованно сообщил мне о том, что занимается исследованиями ведьмовских мазей и что эти исследования, по его мнению, могут меня заинтересовать. Затем Хатсис пригласил меня послушать его выступление во время следующего раунда сессий; я принял его приглашение — и ни капельки не пожалел. Его речь впечатлила меня сочетанием открытости и строгости, отличного знания источников и оригинальности мысли, тонкого понимания сути исследований авторитетов в данной области и хорошо продуманной критики их выводов. Мы с ним поддерживали связь в течение следующих нескольких лет; всё это время он проводил исследования и записывал их результаты и комментарии к ним, пока его двадцатиминутная презентация постепенно не превратилась в эту книгу.

В ходе наблюдений за этим превращением меня особенно впечатлили три обстоятельства. Во-первых, Том не был зачислен в докторантуру, но всё же упорно продолжал заниматься данным проектом в течение многих лет, расширяя, углубляя и совершенствуя его без всяких стимулов, давления или поддержки со стороны профессорско-преподавательского состава. Он вкладывал в эту работу всю свою увлечённость, всю свою страсть. Во-вторых, несмотря на то что Том пишет увлекательно и доступно, он при этом придерживается строгих научных стандартов. Его изложение основано на широком использовании как первичных, так и вторичных источников, он

уделяет пристальное внимание деталям, контексту и взаимосвязям; делая выводы, он выказывает разумное отношение к доказательствам. В-третьих, благодаря своей настойчивости, требовательности и проницательности Том внёс очень существенный вклад в эту область исследований, и его усилия могут внести свежую струю в обсуждение ведьмовских мазей и их роли в верованиях о ведьмах раннего Нового времени*.

Почему я так считаю, спросите вы? Если кратко, то в этой книге содержится детальное углублённое описание того, какую роль психоактивные зелья и мази играли в слиянии верований о древней магии и более поздних источников (народных преданий о мистических ночных странствиях и превращениях в животных, рассказов схоластов о разделе мира между Богом и дьяволом, хроник кампаний против ереси и средневековой фармакопеи, повествований о волшебных исцелениях, злонамеренных отравлениях и деревенской ворожбе) в единый общепринятый миф о дьявольском колдовстве, творимом с помощью мерзких мазей, которые переносили ведьм из их повседневного окружения на место проведения сатанинского шабаша. Помещая психоактивные вещества из состава ведьмовских мазей в этот контекст, включающий общее чародейство, яды, целительство с помощью волшбы и, в частности, средневековую фармакопею, Хатсис показывает, что эти совсем не экзотические средства, изъятые из повседневного употребления в период раннего Нового времени, эти психоактивные растения, а также изготовленные на их основе зелья и мази использовались самыми разными способами: в качестве лекарств, снотворных зелий, ядов, магических предметов, которые носили в качестве амулетов (а не употребляли в пищу), а также примесей для крепления пива и вина. Когда люди употребляли их, чтобы испытать магические и мистические ощущения, им не нужно было радикально менять свой

* Раннее Новое время — это период послеевангельской эпохи, следующий за поздним Средневековьем. Хотя хронологические рамки этого периода строго не определены, можно утверждать, что он длился с конца позднего Средневековья (ок. 1500 г.) до начала эпохи революций (ок. 1800 г.).

обычный распорядок жизни и свои привычки; скорее, такое употребление мало-помалу входило в обыкновение. Таким образом, Хатсис убедительно доказывает в своих выводах, что, «хотя на самом деле ведьмовские мази — это вымысел, существовало множество таинственных смесей, которые применялись для создания бесчисленных средств, вызывавших психомагические ощущения и видения»; эти смеси использовались небольшой, но влиятельной социальной группой в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Использование галлюциногенов не было ни случайным изобретением демоологов (как это утверждают скептики), ни обыденным или специальным религиозным обрядом (как это утверждают романтики); оно было тем краеугольным камнем, который лежал в основе соответствующих поверий о ведьмах. Кроме того (и это гораздо более важно), оно было составной частью популярных магических практик, подлинный масштаб и природа которых в наше время остаются невыясненными (так утверждает Хатсис). Вопрос уже не в том, существовали ли такие средства и использовались ли они. Вопрос в том, каким образом эти снадобья использовались, кем именно, насколько широко, для каких целей и какое действие они оказывали.

*Эдвард Бевер,
доктор наук, профессор истории,
Университет штата Нью-Йорк,
Колледж Олд-Уэстбери*

Благодарности

У каждой книги не один автор, и эта книга — не исключение. Ниже я постарался упомянуть тех, кто помог мне завершить эту работу.

Мама, у меня сейчас нет слов; я лишь надеюсь, что ты найдёшь их на этих страницах. Я буду благодарить тебя каждый раз, когда какой-то отрывок даст тебе повод гордиться таким писателем, каким я стал. Эл Дэд, спасибо за то, что я научился ценить образование. Стюарт Айсбрук, ваши юридические консультации были для меня очень ценными и поучительными. Нини и Томас Хамфри, спасибо за то, что верили в меня, и за очень своевременную помощь с финансированием исследований для этой работы. γιγαία [бабушка. — *Прим. пер.*], спасибо тебе за то, что ты всегда знала, как заставить меня улыбнуться в самый пасмурный день. Эдвард Бевер, ваши советы насчёт исследований и потрясающие знания в области колдовства в период раннего Нового времени были просто неоценимыми: без вашей помощи эта книга никогда не стала бы тем, чем стала. Джек Зевин, благодарю за опыт, полученный во время исследований. Спасибо Саймону Дж. Пауэллу за помощь в публикации всего этого. Я благодарен также женщинам и мужчинам из WFTDA (Женская ассоциация по роллер-дерби на плоском треке) и MRDA (Мужская ассоциация по роллер-дерби) за то, что помогали мне оставаться в здравом уме (хотя иногда и сводили с ума); и, конечно же, спасибо моему издателю Park Street Press за полученный шанс.

С переводами мне также помогали; в тексте я по возможности упоминал своих помощников, но здесь я хотел бы благодарить их отдельно, более официально. Карл А. П. Рак, хотя по некоторым вопросам мы расходимся во мнениях, тем не менее я ценю ваш вклад в эту область. Надеюсь, вы оцени-

те. Элизабет Тимпоне, ты была мне другом столько, сколько я себя помню; спасибо за помощь с французскими текстами. Мари Филлипс, кто бы мог подумать, что для проведения исследований в Бодлианской библиотеке нужно было, чтобы в Оксфорде раздавили банан? Такое, понимаете ли, дерби. Спасибо за французские переводы, еду, гостеприимство, доброту и бесценное место для отдыха. Питер Конолли-Смит, благодарю за уроки писательского мастерства. Спасибо также Герхильде Уильямс и Ханнелоре Спенс за советы и переводы с немецкого языка. Кроме того, большое спасибо Кайле Уинг за срочную помощь с немецкими переводами. Увидимся на треке, подруга!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу я начал писать в 2007 году, когда жил в Италии, в Милане. Я как раз заканчивал свою магистерскую диссертацию, будучи «умирающим от голода и истерически обнажённым» (по определению поэта Аллена Гинзберга), и отчаянно пытался выучить итальянский язык до той степени, чтобы поговорить с симпатичной девушкой из Болоньи, живущей по соседству. Моя диссертация была посвящена 1950-м годам, когда ЛСД ещё не считался таким ужасным наркотиком, как сегодня. Тогда его считали скорее чудо-лекарством, которое обещало ознаменовать собой эпоху нового осознания человеческого (и животного) разума. В те дни можно было говорить о психоделиках, и это никого не пугало. Термин «психоделический» сам по себе не был разговорным, а принадлежал к эзотерическому лексикону интеллектуалов. Изучение психоделиков и психических состояний, которые они вызывают, должно было стать ещё одной академической дисциплиной — предметом для будущих бакалавров-гуманитариев.

Как и любой студент, интересующийся историей психоделиков и связанной с ними культурой, на протяжении большей части своей жизни я считал, что такие наркотики, как ЛСД, появились только в 1960-х годах, когда куча народу быстро просекла фишку, заценила балдёж от их употребления и успела соскочить с темы ещё до того, как наркотики в оперативном порядке объявили вне закона. Во время написания своей дипломной работы (биографии Тимоти Лири) я обнаружил, что до 1960-х годов в западной культуре был и более ранний период употребления психоделиков. Моя магистерская диссертация в основном касалась намного более богатой событиями эпохи употребления ЛСД, которая длилась примерно десять

лет (так называемые «сказочные пятидесятые»): в то время ЛСД, новый экспериментальный наркотик, как раз достиг американских берегов в качестве средства, облегчающего лечение различных психических расстройств. И тогда я задался вопросом: если на Западе психоделики начали употреблять лет на десять раньше, чем я когда-то думал, то, может, на самом деле опыт их употребления уходит своими корнями в ещё более далёкие времена?

Когда я писал диссертацию о Тимоти Лири, друг одолжил мне книгу Ричарда Раджли «Алхимия культуры»; как следует из подзаголовка, это обзор «роли опьяняющих веществ в культуре», в котором автор упоминает «ведьмовскую мазь» на нескольких страницах (честно говоря, книга и сейчас у меня). Я посчитал эту концепцию интересной, но лишь до некоторой степени, так как в 1960-х годах эти мази раннего Нового времени не имели ничего общего с предметом моих тогдашних интересов. Однако книга действительно помогла мне хорошо узнать историю употребления психоделиков на Западе до 1960-х годов. Читая одну из книг Лири (которую я хотел использовать как источник информации для своей диссертации), я узнал, что люди действительно наблюдали видения под воздействием психоделиков и что эти видения играли существенную роль в культурах всего мира на протяжении всей истории человечества. Но даже сам Лири сетовал на то, что на Западе история психоделии отсутствует, и именно поэтому он обратился к «Тибетской книге мёртвых», с которой связал свои идеи о психоделиках.

Тем не менее в книге «Алхимия культуры» её автор Ричард Раджли высказал твёрдое убеждение в том, что в период раннего Нового времени люди испытывали определённые «галлюцинаторные ощущения, которые вызывали интоксиканты, присутствующие в мазях». Я решил проверить его источники и наткнулся на поистине революционную статью Майкла Харнера о ведьмовских мазях «Галлюциногены и шаманизм» (1973 г.). Однако одной лишь статьи, пускай и строго научной, пускай и весьма увлекательной, было недостаточно: я хотел

знать больше. Я долго рыскал по книжным магазинам и библиотекам в поисках какого-нибудь монументального труда о легендарной ведьмовской мази. Увы, таковых не нашлось. В течение следующих пяти лет я собирал копии латинских манускриптов и переводил их, пытаюсь воссоздать историческую правду об опыте употребления психоделиков (извините за анахронизм) в форме ведьмовской мази в период раннего Нового времени — если там, разумеется, было что восстанавливать.

Однако я обнаружил не какой-то единичный случай применения, а целое множество практик, одни из которых должны были оказывать некое пагубное влияние, другие, судя по всему, были связаны с энтеогенным* воздействием, третьи служили исключительно для рекреационных целей. Я назвал эти феномены психомагическими ощущениями. Когда психиатр из Саскачевана Хамфри Осмонд ввёл термин «психоделия», он имел в виду не что иное, как «проявление сознания». Поэтому есть резон считать, что психомагические ощущения представляют собой «проявления сознания, цель которого состоит в получении способности манипулировать сверхъестественным миром, общаться с ним или взаимодействовать с ним иным образом».

Я очень хорошо понимаю, что терминология XXI века никоим образом не поможет мне описать ощущения, упоминания о которых так редко встречаются в исторических документах. Такие слова, как «видение», «экстаз» и пр., используются на протяжении всей этой книги в ограниченном смысле для обозначения психомагических ощущений. Кроме того, такие

---

* «Энтеогенный» означает «порождающий бога внутри человека». Этот термин был придуман антиковедом Карлом Раком и его соавторами Джонатаном Оттом, Робертом Гордоном Уоссоном и Джереми Бигвудом в 1979 году в статье в «Журнале психоделических средств» («*Entheogens*», *Journal of Psychedelic Drugs* 11 [1979]: 145) для того, чтобы объяснить, по каким причинам духовного характера употребляют вещества, изменяющие сознание: таким образом они пытались опровергнуть ошибочное убеждение в том, что любое употребление наркотиков подразумевает преступное или аморальное поведение.

термины, как «наркотик», «психоактивное средство», «галлюциноген» и т. п., будут чередоваться. Они не подразумевают никаких позитивных или негативных ассоциаций; эти термины следует считать нейтральными, если не указано иное.

Я никоим образом не свожу средневековую магию и магию раннего Нового времени к употреблению наркотиков. Я просто хочу показать, во-первых, каким образом эти наркотики вписываются в расширенную систему магии, а во-вторых, каким образом церковь в раннее Новое время очерняла ощущения, испытываемые после употребления этих наркотиков. Картина получается сложная, дорога наша извилистая, записи у нас неполные, но есть подсказки, которые могут, по крайней мере, подтолкнуть нас в правильном направлении.

Описания подобных ощущений время от времени встречаются в исторических хрониках разных регионов — от холодной Сибири до джунглей Мезоамерики да и всего остального мира. Иногда общество, члены которого их испытывают, относится к ним терпимо, иногда осуждает. Прочитав следующие главы, вы увидите, как некоторые церковные писатели Запада пытались опорочить психомагические переживания, вызываемые наркотическими «ведьмовскими мазями» раннего Нового времени.

ВВЕДЕНИЕ

Ночь. Одинокая женщина. Из сундука под кроватью она достаёт баночку с мазью. Открыв банку, она набирает из неё пригоршню вонючей жижи — ведьмовской мази, *latiarum unguentum*. Затем она берёт стоящую в тёмном углу метлу — самую обычную метлу, которая, по мнению её глупых соседок, пригодна только для подметания; ну, может быть, ещё пару мышей прибить сгодится. Но сейчас женщина не собирается делать ни того, ни другого. Ухватив метлу покрепче, она смазывает длинную деревянную ручку ведьмовской мазью; за кончиками пальцев тянутся и тут же рвутся недавно сплетённые паутинки. Оседлав жирную на ощупь метлу, она тут же вылетает из окна и поднимается ввысь, чтобы присоединиться к десяткам других женщин на таких же смазанных мётлах. Они стремительно проносятся мимо демонов, парящих в ночном воздухе, скользят над крышами и облаками, их силуэты чёрными точками испещряют яркий диск луны. Они стараются не упоминать Бога или Христа, иначе их ждёт гибель. Они держат курс на далёкий луг, лежащий за много миль от города, в котором их могут заметить неусыпные глаза священников и соседей; там они присоединятся к уже собравшимся поклонникам Сатаны и будут бражничать вместе с ними. Это шабаш. Если новоприбывшая захочет примкнуть к общему веселью, она должна будет сначала обозначить поклонение Сатане: отречься от христианской веры, потоптавшись по большому кресту, специально брошенному к её ногам, а затем ей придётся доказать дьяволу свою преданность, запечатлев на его заду непристойный поцелуй — «*osculum infame*». После этого она будет считаться полноправной сатанисткой и сможет присоединиться к остальным пирующим, чтобы вкусить плоть умерщвлённого

ребёнка. Во время пирушки обнаружится, что еда лишена всякого вкуса и странным образом не насыщает. Затем она примет участие в непристойных танцах и будет заниматься прелюбодеянием с демонами.

Это сборище устроил Сатана; лелея мечты о захвате мирового господства, он призвал на помощь легковерных ведьм и колдунов, чтобы те помогли осуществить его гнусные планы. По окончании гулянья он отсылал прочь своих приверженцев, но перед этим обучал их пагубным искусствам (малефициям, то есть «чёрной магии»), среди которых числилось умение готовить мази и зелья из останков умерщвлённых детей. Такие смеси можно было использовать для причинения вреда людям или даже для убийства, с их помощью можно было вызывать бури, насыщать болезни и разжигать ненависть между благочестивыми христианами.

Вот что, по мнению некоторых демонологов, в большей или меньшей степени практиковали ведьмы в разгар периода, когда над ними особенно часто проводились судебные процессы (ок. 1550–1650 гг.). На протяжении этого периода десятки тысяч женщин и мужчин были сожжены на кострах за предполагаемые дьявольские преступления. Учёные в основном согласны с тем, что шабаш был впервые упомянут в европейских церковных писаниях 1430-х годов. Сложная концепция шабаша ведьм подпитывалась учёным сословием, которое навязывало и переопределяло многочисленные шаблоны. Все эти связанные с шабашем реалии — ночные полёты, скопление демонов, поклонение Сатане, дикие оргии, каннибализм и восстание против небес — были когда-то отдельными идеями, заимствованными из фольклора, церковных представлений о ереси и общего восприятия магии и демонологии, идеями, которые развивались на протяжении столетий.

Эти составляющие постоянно менялись и в конечном итоге слились в единый образ сатанинской ведьмы, творящей свои малефиции в рамках масштабного ведьминского культа.

Однако одно из этих злодеяний было новым для стереотипа ведьмы. Другие идеи, такие как ночные полёты, каннибализм, демонические оргии и т. д., развивались в течение XI–XV веков, а вот понятие мази, используемой для полётов, впервые появилось в письменных источниках только в начале XV века, как раз перед тем как теократы начали формировать ведьмовской стереотип.

Ведьмовские мази представляли собой магические лекарственные пасты, мази и смазки, которыми женщины и мужчины якобы покрывали своё тело, а в более поздних вариантах и свои «летающие транспортные средства», такие как метлы и грабли. Обмазавшись таким образом, люди впадали в глубокий сон (*soporatum*¹), наблюдали фантастические видения, а после пробуждения утверждали, что путешествовали на большие расстояния и совокуплялись с другими людьми². Опубликованные в последнее время работы заставили отдельных современных исследователей предположить, что в так называемых ведьмовских мазях содержались снотворные, галлюциногенные или иные психотропные ингредиенты, в основном добытые из растений семейства паслёновых, и что причиной таких причудливых видений было действие именно этих препаратов³. Такая теория совсем не бездоказательна: большинство специалистов по истории средневековой европейской магии убеждены, что существовало несколько разновидностей медицинской народной магии, которые практиковались женщинами и мужчинами низкого общественного положения⁴. Нет никаких сомнений в том, что эта народная магия включала использование растений и трав в составе лечебных средств и снадобий⁵. Из упоминаний мазей и зелий в протоколах судебных процессов того времени выясняется, что с их помощью в основном лечили, вызывали безумие и пробуждали любовь либо наносили вред здоровью людей или животных или убивали их⁶. Некоторые учёные мужи, отличающиеся (как ни удивительно) романтическими наклонностями, считают, что мази действительно существовали, что их использование берёт начало ещё с древности и что ими

смазывали ручки мётел, которые затем вводили во влагище или прямую кишку; отсюда, дескать, и возникло наше современное представление о ведьмах, «гарцующих» на мётлах⁷. Эту теорию отвергают другие исследователи, которые считают, что мази сии есть «продукт либо безобидного фольклора, либо демонологической теории, [...] но не активные вещества, изменяющие сознание»⁸. Эти скептики утверждают, что в тот период, когда ведьмовской стереотип только начал вырисовываться, клирики, юристы, инквизиторы, демонологи и другие представители учёного сословия создавали свои собственные измышления о колдовстве, приписывая дьявольский подтекст безобидным народным практикам. Для современных скептиков ведьмовская мазь появилась не из котла, в котором помешивала варево какая-то старая карга, а из живого воображения церковников и их давнишних убеждений в отношении ересей.

Хотя в ходе некоторых судебных процессов над ведьмами в эпоху Средневековья, безусловно, применялись именно такие доводы* (в частности, обвиняемые в колдовстве после задержания за занятия магией часто были вынуждены признаваться в посещении шабашей), существуют и ранее не замеченные доказательства того, что у ведьмовской мази, как и у других аспектов ведьмовского стереотипа, имелся аналог в реальной народной волшбе: преднамеренное употребление наркотических снадобий. Отдельные исследователи не согласны с тем, что некоторые из этих зелий могли продавать клиентам для личного использования именно потому, что они оказывали психотропное действие. Аргументы приводятся разные, но все они сводятся примерно к следующему: «Самые ранние рецепты [ведьмовских мазей] [...] включают не наркотические средства, а [...] недопустимые, но нетоксичные компоненты»⁹. Тем не менее факты говорят об обратном.

---

* Причиной единообразия «сценариев» шабашей, зафиксированных инквизиторами в период с середины XV до начала XVIII веков, явно служило предсказание действий демонических существ учёным сословием на основе сложившихся стереотипов.

Хотя сегодня все проявления магии могут показаться нам одинаковой бессмыслицей, обитателям западноевропейских стран в период раннего Нового времени приходилось определять, какое явление является составной частью магии, а какое не является, а это было не так-то просто сделать. Хотя в судебных материалах того времени можно найти слишком мало сведений о разновидностях народной магии (нередко там не получается отыскать «ни средств, ни целей»¹⁰), тем не менее мы можем получить представление о местной магии по информации о практиках, задокументированных инквизиторами и другими представителями учёного сословия. Некоторые из этих практик включали в себя погодную магию, гадание, наложение чар, симпатическую магию, медицинскую магию, убийство с помощью магических средств, магию ядов (т. н. венефиций*) и любовную магию.

В этих двух последних категориях возможны дальнейшие разбивки: некоторые виды любовной магии были «симпатическими» по своей природе. Одна из техник состояла в следующем: влюблённый должен произносить определённые слова, одновременно нюхая рубашку человека, от которого он хотел добиться взаимности¹¹; в рамках другой методики нужно было помещать магические предметы в непосредственной близости от предмета воздыханий. Разные формы венефициев специально предусматривали приём внутрь различных ядов и эликсиров, которым посвящено настоящее исследование¹². Венефиции также включали по-настоящему безжалостные отравления, конечным результатом которых было тайное убийство. Современный историк утверждает: «Венефик — [...] не колдун»; последнее, по его мнению, мо-

---

* Вообще термин «венефиций» может иметь множество значений (включая, помимо прочего, предмет нашего исследования). В одних случаях это магия ядов; в других этот термин может относиться к более банальным общим знаниям о травах; в широком смысле его можно даже приравнять к такому расплывчатому понятию, как колдовство — термину, который мало о чём нам говорит. На следующих страницах мы рассмотрим, помимо прочего, практические аспекты венефиции, когда будем разбираться с тайнами психомагического волшебства.

жет включать в себя первое, но первое не обязательно подразумевает последнее¹³.

Перед вами — история о том, как венефиций, творимый с помощью волшебства (в противопоставление обычному отравлению с целью убийства), влился в ведьмовской стереотип и тем самым стал в глазах церковных авторитетов орудием дьявольского колдовства. Это история канонической веры раннего Средневековья, основы которой изложены в знаменитом «Епископском каноне» («*Capitulum Episcopi*»), история отрывка из средневекового свода канонического права, который впоследствии обсуждался и повторно формулировался богословами. В результате этих обсуждений к началу раннего Нового времени местные формы колдовства стали трактовать как новую ересь. Кроме того, это история о том, как первоначальное осуждение канониками определённого народного верования (а именно ночных скачек вместе с древними богинями) спустя столетия было переосмыслено богословами, которые в конце концов заключили, что ведьмы и колдуны действительно существовали. Это история о народной магии и знании ядов, которые использовались теми, кто их практиковал и проводил упомянутые ритуалы. Наконец, это история о том, что в начале XV века в результате переопределения богословами понятия «ведьма» начали считать, что именно благодаря ведьмовской мази ведьмы могли летать на шабаш.

Поиск в Интернет по сочетанию *witches' ointments* («ведьмовские мази») выдаёт около миллиона результатов. Достоверность имеющейся информации в лучшем случае сомнительна (хотя энтузиазму авторов найденных текстов можно позавидовать). Некоторые исследователи (причём как консерваторы, так и романтические натуры) за свой вклад в эту область достойны похвалы, однако претенциозные потуги некоторых писак, во всём видевших преступные сговоры, заставили многих отрицать существование этих волшебных мазей, причём небезосновательно: большая часть этих опусов, сочинённых приверженцами теории заговора, критически и контекстуально неадекватна¹⁴. Тем не менее полное отрица-

ние психомагических переживаний в период раннего Нового времени в Западной Европе, насколько мне удалось определить, представляет собой такой же фанатизм, хотя и другого рода. Предрасположенность к нему современных скептиков очевидна¹⁵, однако причины их скептицизма остаются спорными.

А пока давайте отложим всякую пристрастность и начнём выяснять всё заново. В первую очередь давайте забудем про сомнительные заявления и сосредоточимся на надёжных свидетельствах, рассмотрим их в конкретном историческом контексте. Давайте осветим тёмные уголки пыточных камер, послушаем байки, рассказанные вечером у камина, поможем деревенской колдунье заниматься чародейством, встретимся с собравшимися под покровом ночи еретиками, проникнем в мысли фанатичных инквизиторов, встанем в магические круги рядом с некромантом и посмотрим на реальность, в которой возникают знания о волшебной ведьмовской мази (если о таковой реальности вообще можно говорить).

Глава 1

СЛЁЗЫ ЕЛЕНЫ

Всяческих трав добавляли к нему и слов не безвредных.

Виргилий

Можно ли дать инструкции химическому веществу?

Квинтилиан

Обычная чародейка

Восемнадцатимильное путешествие Катарины на север Италии через сельскую местность, от Пьеве до Рипабьянки, оказалось действительно трудным. В начале XV века даже путешествия на короткие расстояния были сопряжены с опасностями как естественного, так и сверхъестественного характера. Ошибки на топографических картах (редких, дорогих и в основном предназначенных для магистратов) нередко не исправлялись со времён Древней Греции¹. Немощёные дороги могли завести Катарину в лес, но никто не обещал, что они выведут её из леса; несчастным прохожим на пути могли повстречаться разбойники, которые время от времени выныривали из зловещего ночного сумрака, чтобы грабить, насиловать и убивать. Даже если бы Катарине удалось убежать от таких супостатов, она не смогла бы так же легко ускользнуть от диких лесных зверей (и уж точно не получилось бы избавиться от такой напасти, как насекомые). Ей могли встретиться и сверхъестественные опасные существа: привидения, феи, эльфы, кобольды, не говоря уже о легендарных итальянских «хозяйках, сведущих в порочных искусствах», которые превращали людей в лошадей, ослов и коров для последующего использования в качестве временной рабочей силы². Нако-

нец, Катарине приходилось бороться с демонами, обитавшими в самом воздухе, которым она дышала³.

Вот лишь некоторые из опасностей, поджидавших Катарину на пути к Маттеучче де Франческо, «обычной чародейке и травнице» из Рипабьянки, чьё общеизвестное мастерство в делах магии привлекало клиентов из самых дальних краёв⁴. И всё же трудности, которые Катарина преодолевала в ходе своих странствий, казались мелочью по сравнению с карой, ожидавшей её в случае неудачи. Ей нужно было снадобье, позволяющее избавиться от ребёнка; она забеременела от священника в Пьеве, с которым у неё были любовные отношения, и из-за этого оба могли стать изгоями. Чтобы избежать скандала, Катарина отправилась к Маттеучче; поездка была опасной, но помощь колдуньи явно того стоила. Девушка прибыла в Рипабьянку, нашла Маттеуччу и точно выполнила все её указания: сжечь копыто самки мула дотла, смешать золу с вином, выпить эту смесь и произнести следующие слова: «Я принимаю тебя во имя греха и Великого Демона, чтобы не застряло»^{5*}. Последние слова заклинания «не застряло» предположительно должны были вызвать выкидыш при любой беременности.

Путешествия, подобные странствиям Катарины, на заре раннего Нового времени были не редкостью. У простых людей XV века было по крайней мере три веских причины обращаться за медицинской помощью к *vetulas expertissimas*, «многопытным старухам», а не к профессиональным врачам⁶. Прежде всего, первые во многих случаях консультировали не хуже вторых: официальные подтверждения квалификации практически не гарантировали высокого качества предоставляемых медицинских услуг. Итальянский аптекарь Саладин

* Отсылка к «Великому Демону», скорее всего, появилась позже, в результате более поздней интерполяции: кто-то из церковников соотнёс с демоном некое малоизвестное местное божество, которого Маттеучча призвала для усиления своих заклинаний (см. Russell, *History of Witchcraft* («История колдовства»), 215).

д'Асколи в своём труде, датированном примерно 1488 годом, предупреждал читателей, что «невежество и неумелость торговцев снадобьями очень часто приводят к бесчестью и убыткам самых знаменитых докторов и самых учёных врачей»⁷. К следующему столетию ситуация, похоже, не улучшилась⁸. Второй (очевидно, самой распространённой) причиной, по которой представитель низшего сословия отказывался от услуг врача с университетским образованием и выбирал местного специалиста, был прежде всего финансовый прагматизм: большинство людей просто не могли себе позволить заплатить столько, сколько запрашивал учёный врач. Наконец, если клиентам требовались конфиденциальные услуги, позволяющие избежать публичного скандала (как в случае с Катариной), то они чаще консультировались с *vetulas expertissimas*, такими как Маттеучча, хранившими знания о чарах, заклинаниях, изготовлении амулетов и венефициях.

В венекопею (фармакопею ядов. — *Прим. пер.*) таких колдунов и колдуний входили природные мочегонные, слабительные и психоактивные средства. Венефики (т. е. те, кто практиковал венефиции) владели знаниями о растениях и ядах, умели различать лечебные и смертельные дозы и сочетали венефиции с другими магическими практиками. Следовательно, ошибка в дозировке или нежелательный для клиента результат могли привести к обвинению в колдовстве⁹.

Когда афинский правовед и государственный деятель IV века до н. э. Демосфен записывал свои показания против лемнийской ведьмы Теориды, он упомянул в них один из самых ранних случаев применения снадобий в сочетании с заклинаниями; именно такое сочетание позднее в латинских сочинениях будут именовать «магия»¹⁰. Когда Демосфен требовал казни Теориды, он одним из первых употребил слово *pharmakis* — греческий термин для обозначения тех, кто одновременно использует ритуальные песнопения и яды (от этого термина, кстати, происходит наше слово «фармацевт»): «Причиной [для привлечения её к суду], — поясняет Демос-

сфен, — были её снадобья [pharmaka]», которые она использовала либо для того, чтобы лишать людей разума, либо для того, чтобы излечивать их болезни¹¹. Хотя раннее объяснение термина *pharmakeia*, приводимое Платоном, включало магические искусства, не предполагавшие применение ядов (в пример можно привести использование кукол), вскоре после его смерти (ок. 347 г. до н. э.) всё изменилось. Термин *pharmakis* с того времени использовался в качестве обычного определения для «мудрой женщины» или «ведьмы», пока его не заменили более поздним латинизированным «венефика»¹².

Плутарх называл Теориду «жрицей» (*hieria*)¹¹, однако в Средние века большинство неофициальных нецерковных целителей/отравителей принадлежали к низшему социальному слою — как и местные прорицатели, ясновидцы, торговцы амулетами и шарлатаны. Иногда один человек владел несколькими такими навыками: прорицатель вполне мог быть знаком с венефициями, венефика могла не только отравлять, но и пророчествовать, и ещё неизвестно, какими необычными способностями мог обладать местный колдун¹⁴. Близость к лесам, знания о травах, передающиеся из поколения в поколение, опыт, полученный путём проб и ошибок, — любые подобные факторы помогали венефикам создавать их зелья¹⁵. Ещё в I веке н. э. Плиний Старший упоминал таких людей в своей «Естественной истории» — компендиуме, охватывающем самые разнообразные темы: астрономию, ботанику, географию, зоологию и «всю фармацевтику античного мира»¹⁶. Многие травы остаются неизвестными, писал он, потому что «только неграмотные сельские жители пробуют их применять, ибо лишь они живут там, где эти травы произрастают»¹⁷. В качестве причины, по которой большинство горожан оставались в неведении о свойствах трав, он называет большое количество лекарей, получивших медицинское образование. Три столетия спустя святой Августин предостерегал христиан об опасности употребления лекарств, изготавливаемых деревенскими колдунами под видом волшебных снадобий:

У тебя болит голова. Сосед или соседка говорят тебе: [«] У меня среди знакомых есть чародей, знахарь и даже колдун[»]. Ты отвечаешь: «Я христианин, для меня это против закона». А если он говорит тебе: «Почему же? Я ведь тоже христианин!», ты должен ответить: «Но я — один из подлинно верующих». А он настаивает: «Я тоже крещёный»... [Чародеи и знахари] сбивают с пути истинного своими приворотами, предсказаниями, уловками Врага [и] сочетают со своими предсказаниями Имя Христово, поэтому сейчас они могут вводить христиан в заблуждение: чтобы дать им яд, они добавляют немного мёда, чтобы горькое было скрыто за сладким и чтобы пьющий употреблял это зелье, пока не умрёт¹⁸.

Столетиями ранее знаменитый врач Диоскорид предупреждал о подобной практике в «Liber de venenis» («Книге о ядах»): «[Отравители] скрывают горечь [ядов], добавляя что-нибудь сладкое. Они также смешивают яды с разными снадобьями и добавляют их в напитки и еду»¹⁹.

У венефигов не было ни степеней, ни сертификатов, они не устраивали встреч и не читали лекций, на которых подробно раскрывали бы секреты своего ремесла. Их признавали знахарями и знахарками только их клиенты²⁰. Их не связывали прочные культовые связи, хотя они хорошо разбирались в своём ремесле, учились ему и обучали друг друга; таким образом, можно сказать, что они обладали знаниями о психотропных, лечебных и ядовитых травах, кореньях и животных компонентах с древности и сохраняли их на протяжении самых тёмных веков вплоть до эпохи Возрождения²¹. Существование венефигов подтверждалось средневековыми сводами законов и церковными уложениями о наказаниях: эти люди обладали знаниями о действии ядов и наркотических снадобий за столетия до наступления эпохи раннего Нового времени и формирования ведьмовского стереотипа. Ведьмовского стереотипа, который всё явственнее подчёркивал роль дьявола в колдовстве, связывая фольклор с ересью. Ведьмовского стереотипа, который создавался как раз в то время, когда Маттеучча открыто практиковала своё ремесло.

И поэтому она должна была умереть.

В течение многих лет светские суды Рипабьянки мирились с занятиями Маттеуччи, позволяя ей смешивать эликсиры, накладывать чары и применять заклинания. Но договор с самим Сатаной? Для Лоренцо де Сурди, капитана и хранителя спокойствия города Рима, это стало последней каплей: он приказал сжечь Маттеуччу, чтобы её святотатства более не смущали умы благочестивых христиан. Её переквалификацию из волшебницы (к которой могли относиться терпимо) в ведьму, якшавшуюся с демонами, описал Новелло Скудъери, нотариус и секретарь по делам колдовства в Тоди; он охарактеризовал её как «гражданку, которая жила в соответствии со статутом коммуны Тоди» и при этом «вела пагубный образ жизни, заработав тем самым скверную репутацию»²².

Почти во всех общинах тогда имелись «неофициальные целители» — те, кто использовал магию, фольклор, лекарственную флору и фауну для «исцеления» клиентов от недугований²³. Коммуна Тоди не была исключением. Маттеучча была не социальным изгоем, соседи не осуждали её за магические практики; она скорее считалась известной колдуньей, специализирующейся на любовной магии, и оказывала услуги многим людям. К сожалению, в тот переходный период в Европе сложилась такая ситуация, что интерес к магии рано или поздно превращался в роковое клеймо. Ранее волшебство и чудотворные средства, используемые знахарями и знахарками, в основном игнорировались властями. Теперь они приобретали всё более демоническую окраску в глазах судей, юристов и, конечно же, теологов и демонологов. Маттеучча была лишь одной из многих волшебниц из народа, на примере которых мы можем осознать этот поистине тектонический сдвиг.

До конца XVIII века религия и магия были тесно связаны с медициной²⁴. Поскольку медицинскую помощь по большей части оказывали в монастырях, местные целители бросали своеобразный «магический вызов» искусству священнослужителей, а те в свою очередь обрушивались с резкой крити-

кой на нецерковных целителей, утверждая, что их сподвигает на такие методы сам Сатана²⁵. Ограничения в отношении таких магиико-медицинских методов менялись в зависимости от времени и места; иногда соответствующие различия зависели от пола, иногда от других факторов. Хотя целительниц далеко не всегда было больше, чем целителей, женоненавистники из их общин явно относились к ним с подозрением. Например, в Англии в XIV веке врачи успешно лоббировали официальный запрет заниматься медицинской практикой врачам мужского пола, не получившим медицинского образования, и всем женщинам (независимо от их образования)²⁶, в то время как в других странах некоторые женщины могли посещать университет (хотя такие случаи были редки). Алессандра Джиглиани (ок. 1307–1326 гг. н. э.), первая женщина, которая, согласно историческим документам, практиковала анатомию (сегодня эту науку называли бы патологической анатомией), в начале XIV века изучала хирургию у «возрождителя анатомии» Мондино де Луцци в Болонском университете. Алессандра была не только искусным анатомом, но и изобретательным химиком: она разработала систему окрашивания вен трупов «жидкостью подходящего цвета», чтобы не только «вернуть им естественный цвет, но и сохранить от порчи». Условия жизни, сложившиеся в то время, не позволили Алессандре дожить до своего двадцатилетия: она умерла на год раньше, однако её методы, усовершенствованные де Луцци, «повсюду снискали большое уважение, славу и благодарность»²⁷. Хотя случаи с такими женщинами, как Алессандра, нельзя считать нормой, парижские хронисты конца XIII века писали, что в этом городе проживало девять женщин-врачей (пять женщин-хирургов, две женщины-цирюльницы и две акушерки). Однако такая тенденция долго не продержалась, и уже к началу следующего века врачи, получившие медицинское образование, усердно поработали над тем, чтобы подобные привилегии были отменены^{*28}. В Италии, где женщины могли на законных основа-

* Интересный случай произошёл с Жаклин Фелиси, парижской целительницей, которая занималась медицинской практикой в 1320-х годах.

ниях заниматься врачебной практикой, Маттеучча спокойно оттачивала своё мастерство, наслаждаясь всеми преимуществами защищённости.

Так обстояли дела до тех пор, пока зимой 1426 года в Тоди не прибыл пламенный проповедник Бернардин Сиенский, известный будущим поколениям как «апостол из Италии». В ходе своих странствий по Италии Бернардин общался с тысячами людей. Одни принимали его, другие относились к нему презрительно. Когда Бернардин проповедовал, в толпе слушателей его благочестивые, но бедные сторонники стояли плечом к плечу с такими же бедными недоброжелателями; подобная ситуация, понятное дело, вызывала проблемы. Однажды после чтения проповеди перед большой толпой какой-то слушатель дал ему пощёчину. Против него было организовано два заговора, но оба потерпели неудачу.

Городские власти мирились с его присутствием в основном по двум причинам: во-первых, в те столетия, когда ещё не было печатных станков, проповедники играли решающую роль в распространении информации²⁹; во-вторых, Бернардин способствовал развитию туристического бизнеса в больших и малых городах. Несмотря на шумиху, которую вызывали его визиты, гражданские власти нередко тратили любые средства, чтобы уговорить умелого проповедника прочитать проповедь на городской площади. И легко понять почему: только один из визитов Бернардина в Сиену принёс этому городу 30 000 флоринов, потраченных иногородними слушателями проповедей³⁰.

В записях Новелло Скудъери, нотариуса и секретаря по делам колдовства в Тоди, рассказывается об успешной карьере колдуньи в начале XV века; благодаря этим записям мы имеем возможность познакомиться с некоторыми общепринятыми суевериями того времени. Помимо многих других обвине-

---

Возмущённые завистники из числа сотрудников университета затеяли судебный процесс против Фелиси; суд оштрафовал её и постановил запретить ей практиковать; впрочем, она проигнорировала это решение (см. Lynne Elliot, *Medieval Medicine* («Средневековая медицина»), 27).

ний, записанных Скудъери, Маттеуччу обвиняли в применении различных видов любовной магии. Однажды молодой человек пожаловался ей, что он влюблён в девушку, которая собиралась выйти замуж за другого. Маттеучча велела ему во время свадьбы зажечь свечу на определённом перекрёстке. После этого юноша должен был произнести следующие слова, глядя на тающий воск: «Как эта свеча гнётся от жара, так пусть жених и невеста никогда не соединятся в любви»³¹.

Однако народные традиции основывались не только на воске и мечтах юнцов, измученных любовной истомой. Маттеучча также хорошо разбиралась в растениях и травах; знания о них и были тем самым венефицием, который она практиковала, когда готовила некоторые свои *posula amatoria* (то есть любовные зелья).

Вопрос Квинтилиана

Posulum amatoria (буквально «любовная чаша»), оно же приворотное зелье, представляло собой одновременно дурманящее и возбуждающее средство, которое «губительным образом действовало на чувства и порождало [...] наваждения и нездоровую влюблённость»³². Иногда зелье вызывало такое умоисступление, что неосторожно принявший его человек мог умереть по своей же вине. Полициано, профессор из Флоренции, живший в XV веке, вспоминал о человеке, «который выпил зелья и тут же в припадке безумия бросился на свой меч. [...] [Он] совсем потерял рассудок»³³. В состав *posulum amatoria* входили различные растения, травы, корешки (иногда с психоактивным действием, иногда обычные), волосы, менструальная кровь, грудное молоко и части тел животных. Это снадобье использовалось на протяжении многих веков: «Тонут в нём горе и гнев и приходит забвение бедствий» — так характеризует его скорбящая Елена Троянская в знаменитом отрывке из «Одиссеи» Гомера³⁴. Ей ли не знать: первые галлюциногенные растения якобы выросли на том самом месте, где слёзы Елены упали на землю.

Грибная аптека FungiLine организована в 2019 г. микологом Михаилом Вишневым и микологом-фунготерапевтом Еленой Александровой. Вся продукция нашей грибной аптеки сертифицирована, обладает официальными статусами «Эко» и «Био» и проходит регулярные испытания на безопасность в государственных лабораториях. Мы используем только плодовые тела грибов: никакого культивируемого мицелия, экстрактов, ГМО, наполнителей, консервантов и красителей.

Линейка продукции, разработанная для российского потребителя, опирается на передовые фармацевтические исследования. Мы знаем, откуда к нам приходит каждый гриб. Все грибы собираются вручную и высушиваются в щадящих условиях при низкой температуре (при необходимости дополнительно замораживаются и/или обрабатываются ультразвуком). Для исследования новых площадей для сборов лекарственных грибов команда FungiLine регулярно осуществляет экспедиции в места произрастания самых интересных лекарственных видов грибов. Все места произрастания проходят проверку на экологическое благополучие. **Особой популярностью пользуются наши микродозинги красного и пантерного мухоморов, а также ежовик гребенчатый.** С 2021 года мы предлагаем и *ветеринарные грибные препараты.*

+7 (985) 225-33-37   info@fungiline.com

+7 (926) 906-16-76   www.fungiline.com